

Речевые и ментальные глаголы как категоризаторы коммуникативных установок – на примере японских изъяснительных конструкций

Чиронов Сергей Владимирович

*Московский государственный институт международных отношений
к. филол. н., доцент, заведующий кафедрой японского, корейского,
индонезийского и монгольского языка*

Сладкова Екатерина Викторовна

*Московский государственный институт международных отношений
Старший преподаватель кафедрой японского, корейского, индонезийского и
монгольского языка*

Аннотация

В статье рассматривается вклад в смысл предложения четырёх японских глаголов, образующих изъяснительные конструкции. Анализируются корпусные данные, включая сочетаемость с представителями номенклатуры речевых и ментальных действий. Выясняется, что различие между глаголами связано с выбором одной из коммуникативных установок говорящего в отношении вводимой пропозиции: «воспроизвожу без обязательств» (*to iu*), «полностью принимаю» (*to suru*), «творчески предполагаю» (*to miru*), «интерпретирую наличные данные» (*to yomu*).

Ключевые слова: японский язык, речевые глаголы, ментальные глаголы, изъяснительная конструкция, коммуникативная установка

Speech and mental verbs as categorizers of communicative attitudes (the case of japanese speech-content object clauses)

Chironov Sergey Vladimirovich

Moscow state institute for international relations

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages

Sladkova Ekaterina Viktorovna

Moscow state institute for international relations

Senior lecturer, Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages

Abstract

This paper review the contribution to the meaning of the sentence of four Japanese words used to introduce speech-content (object clauses). We analyze corpus data for collocation with nominal categorizers of speech and mental acts. This study shows that the difference of the introductory verb reflects the among four

corresponding types of communicative attitude. These can be tentatively called “render without any obligations” (*to iu*), “fully accept” (*to suru*), “creatively suppose” (*to miru*) and “interpret given data” (*to yomu*).

Keywords: Japanese language, speech verbs, mental verbs, object clause, communicative attitude

Отражение реальности в языке неминуемо связано с её осмыслением, концептуализацией и категоризацией. Наиболее общие категории при этом, как известно, находят своё отражение в грамматике. Дальнейшее членение реальности в языке, коммуникативные потребности человека обуславливают различие множества дробных субкатегорий, признаков. Категоризируются, однако, и сами ментальные структуры, являющиеся объектами умственной активности человека. В разных языках именно их различие отражают, например, комплементаризеры, в случае японского и типологически близкого корейского языка – также единицы так называемой лексической субстантивации. Так, в японском в самом фундаментальном смысле происходит деление всего мыслимого на *mono* и *koto*, то есть «вещи» и «пропозиции» (ср. оппозицию терм-предикат), имеются и специфические средства для выражения более тонких признаков [1], в частности, фактивности пропозиции [2]. По нашим наблюдениям, след такого категориального членения неминуемо проявляется и в использовании ментальных и речевых глаголов, которым и будет посвящена эта статья.

По сравнению с русским языком в японском для большей доли таких глаголов допускается сдвиг диатезы, при котором деятеля – автора высказывания в позиции подлежащего заменяет его речевое (мысленное) произведение. То есть, в японском не только «книга» или «фильм» могут «рассказывать», «повествовать», а «закон» – «устанавливать» и «определять», но также и «мысль» может «критиковать», «декларация» – «провозглашать», «намекать» и т.п. Естественно, для таких глаголов допустима как сказуемая, так и определительная позиция. При этом последняя в силу структуры глагольного определения в японском (замыкающий определение глагол непосредственно примыкает к определяемому имени в словарной форме настоящего-будущего времени, притом его личная принадлежность никак не обозначена морфологически) допускает различную степень осознанности реального деятеля – своего рода «логического подлежащего» изъяснительного глагола, от однозначной референтности в контексте до полной нивелировки.

В настоящей работе наше внимание сосредотачивается на четырёх таких глаголах, в выборе которых в определительной позиции, по нашим наблюдениям, наиболее чётко проявляется упомянутый категоризирующий принцип. Это *iu* (основное словарное значение «говорить»), *suru* («делать»), *miru* («смотреть») и *yomu* («читать»). Объектом исследования явились данные корпуса [3], однако мы также обращаемся к примерам живого общения из интернета. Чтобы более полно вскрыть семантику глагола в изъяснительной конструкции, мы учитываем случаи их употребления и вне

определяющей позиции, в функции сказуемого.

В обобщённом виде рассматриваемые нами отрезки речи выглядят так: <P to V N>, где *to* – маркер цитирования, вводящий изъяснительное придаточное. Строго говоря, «классификация» этих придаточных отражается здесь дважды – в выборе и глагола, и существительного, в значении которого обобщается содержание высказывания. Это, конечно, оставляет вопрос: как соотносятся два параметра – иерархично (так, что одни категории – вероятно, передаваемые глаголом, уже в силу меньшего количества – представляют собой укрупнённые другие) или перекрёстно. В предварительном плане можно предположить, что параметр N по сути отражает функциональную классификацию высказываний. Не случайно в эту рубрику попадают всевозможные названия (категоризаторы) как речевых, так и ментальных действий. Но что же тогда определяет выбор глагола? Для ответа на этот вопрос предлагается подробно рассмотреть данные корпуса [3].

1. Наиболее универсальной и с точки зрения формы и содержания вводимой пропозиции P, и по параметру N, судя по корпусным данным, является конструкция *to iu*. Фактически она не проявляет ограничений на сочетаемость с названиями речевых актов различных типов (которые вводятся таким образом в предложение на правах цитаты), см. 495 вхождений со словом 質問 = *вопрос*, 264 主張 = *утверждение*, 252 願い = *просьба*, 101 提案 = *предложение*, 87 命令 = *приказ*. Обозначаются жанры и типы произведений речевой и ментальной деятельности, см. 526 噂 = *слухи*, 392 疑問 = *сомнения*, 97 ルール = *правила*. Присутствуют и самые общие обозначения речевой, ментальной деятельности – скажем, 2733 話 = *история*, 1587 気持ち = *настроение*, 698 意識 = *сознание*, 69 理解 = *понимание* и т.п.

Если в приведённых сочетаниях автор всегда или идентифицируем, или во всяком случае предполагается, то такие N, как 事実 = *факт* (1433 вхождения), 面 = *момент/деталь* (600), 側面 = *аспект* (292), 内容 = *содержание* (343) субъекта первичного (цитируемого) высказывания уже не предполагают. В этом варианте, как и в сочетании со служебным именем (лексическим субстантиватором) *koto*, от идеи некоего отдельного, другого субъекта, как будто бы порождающего пропозицию помимо автора «верхнего» предложения, остаётся лишь эффект отстранения этого автора от содержания подчинённой пропозиции. В результате *to iu* используется как специфическая квазисвязка, устройство снятия фактивности, такая «заглушка», не позволяющая презумпциям об истинности основного утверждения перколировать внутрь придаточного изъяснительного.

Практически универсальный характер категориального охвата именной вершины, подчиняющей придаточное изъяснительное на *to iu*, определяет и чрезвычайное формальное разнообразие подчиняемых вложений. Допускаются предложения всех типов, включая и побудительные, и вопросительные, выражения субъективных психологических состояний и т.д. Фактически можно сказать, что цитируется в данном случае уже не пропозиция, а высказывание, условия успешности которого (как критерий

оценки смысла в случае высказывания) также не преодолевают «заглушку» *to iu* и не влияют на смысл главного предложения:

早く稼げるようになりたいなら、「早く稼ぎたい」という意識を捨てよう // Если хочешь быстро заработать денег, отбрось эту мысль – дескать, я хочу быстро заработать [4], ср.

「ID

付で言っちゃダメだけど、匿名なら良い」と言う意識の人がそれなりに存在すると言うのは実感として強く感じる。// Я ясно ощущаю, что есть немало людей, которые осознают вот это: «под своим настоящим именем так не скажешь, а вот анонимно - запросто» [5]

Названный двусторонний эффект, впрочем, не означает возможности свободного сочетания любых языковых выражений (параметр P) с любым средством его категоризации (параметр N). Напротив, между формой цитируемого высказывания и его «названием», той «биркой», которая к нему как бы приклеивается через употребление квазисвязки, должно быть согласование. Так, 42 из 87 цитат, подчинённых категоризатору 命令 (приказ), оформлены в приказном типе директива (форма-образец *shiro*), ещё один пример содержит менее категорично-нажимную форму *nasai*. В этом проявляется языковая избыточность, когда в силу инерции или структурных причин (например, имя-вершина занимает позицию актанта в высшей структуре) различными средствами передаётся один и тот же смысл. В прочих примерах приказ передаётся деонтическими выражениями, неполными предложениями (например, обстоятельством места), основами глаголов синоиероглифического происхождения (前進= вперёд!), инфинитивами как именами действия и даже выражениями разрешения. Большая часть подобных форм, очевидно, может употребляться и в других типах высказываний, так что здесь имеет место уточнение (*disambiguation*), когда автор «верхнего» высказывания специально добавляет характеристику прозвучавшего чужого высказывания, вставленного им в свою речь. Есть и такие случаи, когда высказывание очевидной коммуникативной направленности приводится с самым общим категоризатором N, выполняющим в таком случае сугубо структурную роль – как, например, в предложении, где это нужно для введения темпоральной характеристики:

建設大臣なり建設省が外向いていって、積極的に実態を見なさいという話をしてきた// Кто-то из министерства, скажем, министр строительства поехал туда и внушил им, **чтобы** те активно изучали обстановку (на местах) (парламентская стенограмма 1981) [3]

Использование основного речевого глагола как квазисвязки не является уникальным для японского языка. Сходным образом, например, функционирует монгольский *гэх*. В турецком появление производного от речевого глагола *diye* в обстоятельственной функции позволяет, к примеру, вводить содержания мыслей субъекта в повелительно-желательном наклонении в структуре, где в японском используется голый показатель цитаты *to* без глагола. Последнее даёт повод заметить, что в

определяющей позиции японская конструкция с речевым глаголом *to iu* во многих случаях может быть заменена конструкцией *to no* (QUOTE + GEN). Во всяком случае это так для сочетаний с именами-категоризаторами речевых, а также ментальных действий и произведений: приемлемость их достаточная, хотя число вхождений и ниже на порядок, см. 83 質問 *вопрос*, 61 主張 = *утверждение*, 54 願い = *просьба*, 20 提案 = *предложение*, 16 命令 = *приказ*, также 370 話 = *история*, 96 噂 = *слухи*, 65 意識 = *сознание*, 50 気持ち = *настроение*, 32 理解 = *понимание*, 30 疑問 = *сомнения*, ルール = *правила* (5 вместо 97). Присутствуют и самые общие обозначения речевой, ментальной деятельности – «скажем», и т.п. Для тех случаев, где речь идёт о содержании чего-то, не воспринимающегося как произведение мыслящего или говорящего субъекта, сочетаемость нулевая или близкая к этому (последнее – для случаев, где автор, говорящий или передающий, как бы выводятся за рамки внимания; помимо известного разброса во внутреннем осознании явления такие малые величины можно отнести и на счёт языковой инерции как порождаемые аналогии), см. 事実 = *факт* (18 вхождений по сравнению с 1433), ルール = *правила* (5 вместо 97), 側面 = *аспект* (3 вместо 292), 面 = *момент/деталь* (0 вместо 600). Получается, что речевой глагол *iu* используется в определяющей позиции как бы «на подхвате» в тех случаях, когда «не срабатывает» специализированная конструкция для собственно введения речевого и ментального содержания, таким образом оказываясь более индифферентным к признаку речевой деятельности как таковому! Происходит это, насколько можно предположить, в силу работающей установки на «вклейку» в речь готового фрагмента отображённой речевыми средствами реальности, во многих отношениях выгодной говорящему. Это и объясняет широчайшее распространение этого глагола в функции, сравнимой разве что со стенками рисуемого авторами манги пузыря для слов действующих лиц.

2. В учебных курсах между *to iu* и *to suru* в содержательном плане нередко ставится знак равенства [6]. С точки зрения сферы употребления указывается, что они находятся в дополнительном распределении: *to iu* встречается в разговорной речи и художественной литературе, *to suru* применяется в газетах и документах. На наш взгляд, этот факт допустимо интерпретировать как следствие того, что *to suru* отражает такой подход субъекта, при котором пропозиция воспринимается как однозначно истинная. Это относится и к контекстам, где происходит формулирование своей позиции в констативном плане, отношения по некому вопросу, и к конститутивным речевым актам, когда силой слова говорящего устанавливается некое положение вещей. Говоря в терминах нашей более ранней работы [7], мы имеем дело с квалификацией действительности, частными случаями которой является атрибуция (причисление предмета к известному множеству) и дефиниция (раскрытие содержания понятия):

儒教国の韓国は、その始祖である孔子も自分たちのものにしたいらしく、「孔子は韓国人」とする説が韓国内では根強くある。// В Корее, конфуцианской

стране, судя по всему, желают «присвоить» Конфуция, основоположника этого учения; там прочно утвердилась версия, по которой утверждается, **будто** Конфуций был корейцем [8].

「残業＝仕事できない」とする風潮が広まりつつある？
優秀な人を長時間労働から解放してあげよう // Кажется, набирает силу тенденция считать, **что** сверхурочно работают те, кто не умеет работать? Освободим одаренных сотрудников от многочасовой работы [9].

Частным случаем атрибуции, безусловно, является оценка, формируемая субъектом суждения по какому-либо вопросу. Здесь уместны деонтические, потенциальные, разрешающие и прочие выражения:

俺自身は「物議を醸す」というのを大事にしたいし、そうなったときに面白がる気持ちは忘れたくないんですよ。波風立たないことを良しとする風潮には異論を呈したい。// Для меня лично важно иметь возможность подачи скандальной информации, мне не хочется забывать, как это может быть захватывающе, (когда разгорается скандал). Хочется сказать «нет» господствующим нынче взглядам, **что** везде должна быть тишь да гладь. [10].

楽しく仕事すべきとする風潮に異議「楽しいってそんなに重要？」// (Мы) не согласны с современной установкой, **что** работать надо с удовольствием. Мол, «так ли важно удовольствие (в работе)?» [11].

Если пропозициональный акт - бытийное предложение, то для *to suri, to miri* возможен подъём дополнения при сокращении связки - ср. конструкции типа считать/находить/полагать [кого кем = что кто является кем] и т.п. в различных языках. Прагматический смысл подъёма состоит, судя по всему, в облегчении структуры предложения, достижении большей лаконичности. Например, это может требоваться в заголовке или при повторе. Так, в уже процитированном источнике далее видим:

孔子を韓国人とする説に加えて孫文は韓国人とする主張も登場 // В дополнение к версии, где утверждается, что Конфуций был корейцем, появились заявления, приписывающее корейское происхождение Сунь Ятсену.

В случае, если предикат Р имеет глагольную природу, речь идёт о квалификации как ответе на вопрос «что произошло», «что представляет собой происшедшее», при этом с собственно квалифицирующей частью совпадает рема Р, которая может включать не только предикативную группу, но и всю пропозицию в целом:

いずれも日清戦争(1894～95年)前の地図で、中国側の「日清戦争を通じて、日本が尖閣を奪った」とする主張を覆す資料がまた新たに見つかった。// Все эти карты выполнены до японо-китайской войны 1894-95гг., т.е. найдены новые документы, опровергающие утверждение китайской стороны, **что** «Япония завладела островами Сэнкаку в ходе японо-китайской войны» [12]

В таком случае Р может быть и предположением-прогнозом [7]:

「リビングで学習すると成績が良くなる」とする説をあちらこちらのサイトで目にする。// *На разных сайтах можно встретить мнение, что «если (ребенок) делает уроки в гостиной, то он будет лучше учиться»* [13]

Указанная особенность семантики *to suru* объясняет и его сочетаемость с управляющим именем-категоризатором. Это позиции, представляемые субъектом в том числе и в конкурентных, полемических контекстах: 説 = версия (244, ср. 5 с *to miru*, 3 с *to yomu*), 見解 = мнение (147, ср. 170 с *to iu*, 2 с *to miru*), 姿勢 = позиция (87), 見方 = взгляд (47), 意見 = мнение (42), = утверждение (33), 風潮 = нравы, веяние времени (11). Выделяются волитивы: 意図 = намерение (52), 意志 = воля (49), 志向 = установка (18). Таким образом проявляется активное обращение субъекта к действительности, стремление воздействовать на неё, выражаемое при замене речевого глагола *iu* на акциональный *suru*. Среди языковых произведений, которые характеризуются этим жанром, фигурируют 法律 = закон (29), 規定 = норма (22), 教義 = учение:

対外取引を原則自由とする法制 // *Законодательство, которое, как правило, не накладывает ограничений на зарубежные сделки* (парламентская стенограмма 1979) [3].

Сказанное подтверждает и парадигматика *to suru* как глагольного выражения. Оно одно демонстрирует употребление в гортативе <P *to shiyoo*>. Так, например, формулируются условия в задачах по физике или математике – контексты, где вводимая пропозиция подаётся как безальтернативная, хотя само по себе суждение об её истинности оказывается как бы подвешенным. Такой ментальный акт допущения коррелирует по своему эффекту с конституирующими речевыми актами. Как и предполагает речевая ситуация использования гортатива (говорящий заинтересован в изменении когнитивного статуса адресата, а тот ещё не гарантированно пойдёт ему навстречу), это не исключает конфликта между позицией субъекта суждения и другими людьми:

「閣下金は事実無根です」とする主張で、国民は納得できるのか。// *Удовлетворит ли народ утверждение, что «обвинение в незаконном пожертвовании лишено оснований»?* [14]

См. также пример с разницей между «просто утверждением» (*to iu*) и «утверждением всерьёз», за которое его субъект готов отвечать (*to suru*) в одном предложении:

「汚名挽回」という言い方は間違っている、とする主張の根拠が分からない // *Непонятно, на каком основании утверждается, что (здесь) нельзя говорить о «восстановлении репутации».* [15]

Грамматические формы вводимой через *to suru* пропозиции куда менее разнообразны, чем в случае *to iu*. Допускается гортатив – что согласуется с идеей единого и серьёзного подхода субъекта к своим будущим действиям:

東南アジアに進出した日本が唱えた、アジアの諸民族だけで栄えようとする

る考えをなんといいいますか? // *Как называется идея, согласно которой процветать будут (одни только) азиатские народы, выдвинутая Японией провозгласила в ходе своей экспансии в Восточной Азии?* [16]

3. В отличие от «внутренне непротиворечивого» и «цельного» *to suru*, *to miru* предполагает альтернативность взглядов, см. колонку в одном из российских СМИ «Я так вижу». Это означает, что субъект мнения, для которого оно является «эквивалентом истины», в данном случае осознаёт, что для другого человека взгляд на явление может быть иным [17]. Именно поэтому с ним, как и с *iu* (и с *yomi*), допустим потенциалис: *miru/yomi koto-ga dekiru*, неприемлемый с *to suru*. Если *to suru* указывает на такое отношение к P, когда её субъект готов бороться за неё, то в случае *to miru* речь идёт не о стремлении к победе своей точки зрения, а об изначальной установке на плюрализм, возможность различных подходов, уживающихся между собой. Неслучайно «чемпионом» среди имён-категоризаторов здесь оказывается носитель этой самой установки 向き, которое можно перевести как «направленность», «угол зрения» (10), см. также 立場 = позиция (4), 考え方 = образ мыслей (4), 解釈 = трактовка (3).

Более «безобидны» и сами пропозиции, вводимые таким образом. Скажем, никто не пытается «рассматривать» какой-то город как столицу такого-то государства, таких-то граждан мужем и женой – как это было бы с *to suru*. Вместо этого мы видим утверждения, изначально допускающие различные подходы, прагматические последствия которых неоднозначны:

葬祭に関わったヒンズー教とは対照的である。これをインドで仏教が衰退していった一因と見る説もある。// *В этом коренное отличие от индуизма, который уделял серьезное внимание похоронным обрядам. Существует и такая точка зрения, которая рассматривает это обстоятельство как одну из причин упадка буддизма в Индии.* (блог сайта «Яху» 2005) [3].

突然豊かになったので、多くの中国人がカネに目がくらんでいる。浪費を美德と見る風潮が台頭した // *Многие китайцы, вдруг разбогатев, потеряли голову. Дело дошло до того, что расточительность стали считать своего рода достоинством.* (Мо Банфу «За 2-миллиардным рынком» 1995) [3].

この会議を認知科学の発祥と見る向きも多い。// *Распространено убеждение, что эта конференция положила начало когнитивной науке.* [18].

Приводимые утверждения имеют в основном умозрительный, познавательный интерес. Мягкий характер конкуренции между ними проявляется в гамме выражений для их оценки, которые сами являются нежесткими, рейтинговыми – преимущество получает суждение более распространённое, обычное, перспективное, но любое имеет право на жизнь (см. русское «можно и так сказать»):

だが、その背後でアラブやロシア・チェチェンなどイスラム原理主義勢力の意向が働いたとの見方も有力。// *Преобладающей является точка зрения, что за всем этим стоят намерения исламских фундаменталистов в арабских странах и в Чечне.* (газ. «Кобэ Симбун», 03.03.2001), ср.

テレビが子どもの意識や行動に懸念される影響を及ぼすことは否定できないとの見方が一般的になっている。// *Общепринятое мнение состоит в том, что телевизор оказывает отрицательное влияние на сознание (психику) и поведение ребенка.* (С.Кодайра «Непрерывное обучение изменит нашу жизнь» 2004) ср. также
 警察官の増員だけでは、現在の治安情勢の悪化を防ぐことはできないだろう、との見方もある。// *Существует и такая точка зрения, что только за счет увеличения количества полицейских предотвратить рост преступности в настоящее время вряд ли будет возможно.* (газета «Рюкю Симпо» 25.08.2001), ... のとの見方が強く// *сильна точка зрения* (форум сайта «Яху» 2008) [3] и др.

Такая оценка «голосованием» отчасти связана с неясной аргументацией, стоящей за пропозицией Р. Это отчасти напоминает русские операторы «считать», «полагать», «рассматривать» [17]. Проявляется такое свойство в высказываниях с оператором суждения в не определительных позициях:

チーム内の雰囲気も確実に良くなった。江本氏は阪神が優勝争いを繰り広げると見ている。// *Общее настроение в команде заметно улучшилось. Г-н Эмото считает, что (команда) Хансин будет напряженно бороться за победу.* («Порубать в куски! Профессиональный бейсболист – самурай» 2005)? ср.:

一四人の市民が死亡しており、リットン調査団の報告はこれを都市の無差別爆撃であると見ている。// *Погибло 14 мирных граждан, что в отчёте Литтона рассматривалось как ковровая бомбардировка города* (Р.Утида «Теория государственных земель» 2002) [3].

В большей степени дефицит жёсткой аргументации ощущается в прогнозах будущего развития ситуации. Напротив, более естественным «личное мнение» субъекта выглядит в оценочных высказываниях типа «что именно произошло». В первом случае речь идёт о принципиальной невозможности точного предсказания будущего, во втором – о неверифицируемости оценочного мнения [17]:

ブッシュ大統領は枠組み合意のツメが甘かったと見ている。重油を援助していたにもかかわらず、北朝鮮は合意を破って核開発を再開した// *Существует мнение, что президент Буш при заключении рамочного соглашения «дал слабину». Пхеньян, получая помощь в виде поставок мазута, возобновил ядерные разработки, нарушив соглашение* (газ. «Сандей Майнити» 2.02.2003)

4. Если те или иные аналоги «менталистских» амплуа для глаголов говорения *iu* (то, где говорится ...), действия *sugi* (сделать что - каким) и *miri* (ср. рус. как я посмотрю) являются некой универсалией, то роль *yoti* (первое лексическое значение – «читать»), пожалуй, составляет экзотическую чёрточку речевой практики укоренённой в иероглифической письменности культуры, где значительная часть интеллектуальной деятельности издавна была связана с прочитыванием содержания, стоящего за знаком. Собственно,

большинство примеров корпуса, не относящихся к рассматриваемой нами ситуации, и касаются как раз чтения иероглифа. Оговоримся, что, конечно, метафора «считывания» информации из «книги» мира воспринимается очень многими языками, ср. япон. *kuiki-o yomi* = *просекать фишку*, досл. *читать атмосферу* и рус. *читать по лицу*, – но всё это, право, отличается от случая почти служебного употребления с изъяснительным придаточным. При этом значительные несовпадения двух наложенных друг на друга семиотических систем – китайской и японской привели к тому, что у одного и того же иероглифа в разном окружении могли оказаться различные прочтения. Метафорически этот принцип переносится на идею «вычитывания» смысла в некой явленной ситуации [19], означая возможность альтернативных трактовок ситуации, лишённой однозначной «прозрачности» – тип высказывания, обозначаемый как интерпретация [7]:

二項で全面的に戦力保持が禁止されたので、結果として一切の戦争がで
きなくなると読む // Поскольку второй пункт (9-й статьи Конституции)
полностью запрещает иметь вооруженные силы, он трактуется как
невозможность вести любые боевые действия (И.Урата «Критика
изменения конституции» 1994) [3].

Сказанное относится и к контекстам, связанным с принципиальной недоступностью достоверного знания – например, предсказаниям будущих событий или реконструкциям трудно верифицируемых событий в прошлом, происходящего в закрытой от субъекта чужой психической реальности. С одной стороны, это подразумевает определённую свободу интерпретации:

私は、日本やその他の先進国との賃金差に注目して中国が世界の生産基
地になるだろうと読んでいましたが、当初、頭の中にあっただけはもう少し技術的に
難しい産業でした。// Я предполагал, что Китай может стать мировым
центром производства, учитывая разницу в оплате труда с Японией и
другими развитыми странами, но я сначала думал о чуть более
технологичных отраслях (Кю Эйкан «Это не так. И то не так!» 2001) [3].

С другой стороны, творческая свобода субъекта-интерпретатора предполагает и особую шаткость его утверждения, уязвимость его для критики и сомнений. Это видно и по типичным контекстам, где утверждение опровергается или проблематизируется, и по отчётливому преобладанию грамматики предположительности в оформлении самой пропозиции:

あのときワシントンの米政府筋は、中国の国連加盟は二、三票の僅少差で
可決するだろうと読んでいたはずだが、ブッシュ国連大使が、なぜあのように激
烈に加盟反対工作を演じたのか。// В то время американский истеблишмент,
в общем-то, должен был предполагать, что вопрос о представительстве
Китая в ООН скорее всего решится при небольшой разнице голосов «за» и
«против» - 2-3 голоса. Почему же тогда постпред Буш так ожесточенно
вел закулисную борьбу против принятия КНР в ООН? (М.Оомори «50 лет
современной истории. Время больших перемен» 2004) [3].

Сказанное особенно заметно при контрастном сопоставлении использования глаголов с одним и тем же именем-категоризатором:

一項では侵略戦争のみが放棄されていると読む説は、それが国際法の伝統的な言葉使いに基づくと言う // *Толкование 1-го пункта (9-й статьи), как предполагающего отказ от ведения только агрессивной войны, опирается на традиционное словоупотребление в международном праве* (И.Урата. «Критика изменения конституции» 1994) [3].

Ср. случай, где почти в буквальном смысле одно понятие-«иероглиф» прочитывается по-разному разными субъектами:

なお、呪術説には、二種類あります。

山越えの無事を祈ると読む説と、相手の魂を招くと読む説です。// (речь идет об одном эпизоде в «Исэ-моногатари») *Есть 2 версии, которые предполагают, что здесь использована была магия. В первой предполагается, что это имело целью умолить богов о благополучном переходе через горный перевал, а другая - что девушка хотела вызвать дух своего возлюбленного* [20].

«Различия между эпистемическими глаголами носят "поверхностный" характер и отражают не столько различия в объективных ментальных состояниях людей, сколько различия в коммуникативной перспективе предложения с этими глаголами в отношении Г(оворящего) к одной и той же объективной ситуации — 'имеет в уме (имеет место)!', - пишет И.Б.Шатуновский [21]. На примере японского материала мы показали, что использование речевых и ментальных глаголов также передаёт различие не только в коммуникативных установках автора пропозиции (речь идёт прежде всего о перформативном употреблении), но и во внешнем восприятии того места, которое приписывается этой установке в коммуникативной ситуации автором «внешнего» суждения (ремарочное употребление). Иными словами, даже если то, что «имеет место», не изменяется, то что «я хочу сделать с этим утверждением» получает определённые способы фиксации. В этом плане четыре глагола, образующие изъяснительные конструкции *to iu*, *to suru*, *to miru* и *to yomu*, отражают несколько принципиальных подходов говорящего (коммуникативных установок). В случае А (*to iu*) собственная установка автора исходного высказывания полностью нивелируется, ему «не доверяется» ни искренность, ни истинность сообщаемого, а кусок отражённой реальности воспроизводится в речи по принципу «за что купил – за то продал». Такая «универсальная разменная единица» передачи информации оказывается чрезвычайно востребованной в речи, о чём свидетельствуют огромные цифры вхождений. Она стоит вне речевых категорий, позволяя свободно вклеивать куски высказываний и оценивать их через имя-категоризатор, соединяя таким образом конкретное и абстрактное, десигнативную и семасиологическую функцию языка. В случае Б (*to suru*) автор высказывания занимает активную позицию по отношению к мыслительной и практической деятельности (позиционные суждения, конституативные высказывания). При этом он безоговорочно принимает своё утверждение, а оно само ограничивается утверждением о мире или оценочным суждением. В случаях В и Г речь идёт о предположении, которое автор делает в конкурентно-плюралистичной среде (*to miru*) или же в

порядке интерпретации некоего наличного знания (*to yomu*).

Указанные общие установки, как мы видим, не находятся в иной плоскости по сравнению с речевыми категориями, обозначаемыми именем-категоризатором (N), накладываясь на них, но не образуя ни дополнительного «сверхуровня», ни перекрёстной «сетки» категорий. В этом смысле с точки зрения использования в речи и при переводе выбор между ними действительно может быть сравним с выбором изъяснительного союза или комплементаризера. В ряде языков разница между этими установками частично может передаваться через выбор между ментальными и речевыми глаголами: скажем, в русском *считать* и *полагать* с большей вероятностью будут приемлемы для случаев В и Г, *рассматривать* для Б и В, *считать* – для Б. Наибольшую сложность, по идее, должен вызывать случай А, представляющий наиболее нейтральную, обесцвеченную установку – в переводе её придётся передавать такими усложнёнными оборотами, как «согласно которой получается, что» и т.п. Детальный анализ подобных межъязыковых параллелей должен по идее привести к уточнению самого аппарата описания речевого поведения и установок индивида на универсальных началах.

Библиографический список

1. Лихолетова О.Р. О некоторых особенностях синтаксической субстантивации в японском языке // Филологические науки в МГИМО: сборник науч. трудов. № 17 (32) / МГИМО(У) МИД России; М.: МГИМО-Университет, 2004. С. 105–119.
2. Чиронов С.В. Японский язык. Юридический перевод для специалистов-международников : учебное пособие для студентов старших курсов / С.В. Чиронов. М.: Моногатори, 2012. 415 с.
3. 現代日本語書き言葉平均コーパス (Взвешенный корпус письменных источников современного японского языка) [Электронный ресурс] URL=http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата доступа 12.12.2017)
4. <http://www.ad-value.jp/1804> [Электронный ресурс] (дата доступа 15.12.2017)
5. <http://clown.hatenablog.jp/entry/20131225/anonymous> [Электронный ресурс] (дата доступа 15.12.2017)
6. Раздорская Н.В. Япония в современном мире: учебное пособие по общественно-политическому переводу. М.: МГИМО, 2017. — 359(2) с.
7. Чиронов С.В. Иллокутивность и субъективная модальность в монологической речи (микроисследование) // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 14. М.: Издательство «Ключ-С», 2016. - С. 219-231.
8. http://www.news-postseven.com/archives/20130308_171377.html [Электронный ресурс] (дата доступа 15.12.2017)
9. <https://news.careerconnection.jp/?p=34780&page=2> [Электронный

- ресурс] (дата доступа 15.12.2017)
- 10.http://realsound.jp/2017/03/post-11636_2.html [Электронный ресурс] (дата доступа 15.12.2017)
- 11.<http://news.livedoor.com/artiZcle/detail/13861438/> [Электронный ресурс] (дата доступа 15.12.2017)
- 12.<http://www.sankei.com/west/news/150624/wst1506240018-n1.html> [Электронный ресурс] (дата доступа 15.12.2017)
- 13.http://www.asahi.com/and_M/articles/SDI2017080309201.html [Электронный ресурс] (дата доступа 15.12.2017)
- 14.https://www.buzzfeed.com/jp/kensukeseya/kake-shimomura-money?utm_term=.qlxJj3K2KR#.mezo1Zmkmp [Электронный ресурс] (дата доступа 15.12.2017)
- 15.http://yunishio.blogspot.ru/2013/02/blog-post_10.html [Электронный ресурс] (дата доступа 15.12.2017)
- 16.https://detail.chiebukuro.yahoo.co.jp/qa/question_detail/q14126853259 [Электронный ресурс] (дата доступа 15.12.2017)
- 17.Дмитровская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека// Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С.6-17.
- 18.<https://ja.wikipedia.org/wiki/認知科学>[Электронный ресурс] (дата доступа 15.12.2017)
- 19.Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending. Mind's Hidden Complexities. New York. Basic Books, 2002. 440 p.
- 20.<http://www.kokugo.aichi-edu.ac.jp/taguchi/daihon4.htm> [Электронный ресурс] (дата доступа 15.12.2017)
- 21.Шатуновский И.Б. Думать и считать: еще раз о видах мнения // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука 1988. С. 18-22